

На правах рукописи

Онищук Михаил Михайлович

**ФЕНОМЕН ОШИБКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2024

Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Прохорова Марина Леонидовна**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Пудовочкин Юрий Евгеньевич**
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский
государственный юридический
университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
профессор кафедры уголовного права

Якушин Владимир Андреевич
доктор юридических наук, профессор,
ОАНО ВО «Волжский университет
имени В.Н. Татищева»,
ректор, заведующий кафедрой
уголовного права и процесса

Ведущая организация: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего
образования «Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Защита состоится «27» апреля 2024 г. в 10 часов 00 минут на заседании
диссертационного совета 24.2.320.07 по юридическим наукам, созданного на
базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу:
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, д. 43, ауд. 11.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной
библиотеке и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет» (<https://www.kubsu.ru/>).

Автореферат разослан «__» марта 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.320.07,
кандидат юридических наук, доцент

Лукожев Хусен Манаевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Уголовная юриспруденция уже давно и обоснованно увязывает ответственность с виной субъекта противоправного поведения. Как следствие, в ст. 5 УК РФ закреплён принцип вины, согласно которому уголовная ответственность лица возможна лишь при условии адекватного понимания им общественной опасности совершаемых деяний и предвидения возможных последствий. Вина, являясь неотъемлемой частью субъективной стороны преступления, предполагает либо полностью осознанное, либо упречное с точки зрения общечеловеческой предусмотрительности поведение. Отсюда, если причинитель вреда заблуждался относительно социального характера своего деяния и его последствий, актуальным становится вопрос о юридической значимости его ошибочных представлений.

Проблема ошибок в уголовном праве привлекает к себе пристальное внимание не только ученых, но и практиков. Обусловлено это тем, что заблуждение преступника при определенных условиях может либо стать извинительным обстоятельством, исключающим уголовную ответственность в отношении совершившего общественно опасное деяние лица, либо оказать влияние на форму его вины, квалификацию и пределы назначаемого наказания. Несмотря на очевидную важность данного вопроса, российский законодатель не предусмотрел в УК РФ специальных норм, посвященных уголовной ответственности причинителя вреда, совершившего общественно опасное деяние в состоянии заблуждения. Хотя, как показывает история, положения об ошибках не чужды отечественному уголовному законодательству¹.

Тему диссертационного исследования актуализирует и то обстоятельство, что хорошо информированный обыватель субъектом ошибочной или некачественной профессиональной деятельности все чаще и увереннее определяет правоприменителя. В свою очередь ненадлежащая деятельность правоохранительных учреждений и судов влечет негативные последствия для отдельных граждан и общества в целом, дезориентирует потенциальных преступников и потерпевших, создает социальную напряженность.

Более того, проблема ответственности субъектов, применяющих право при расследовании и рассмотрении уголовных дел, актуализирована неоднократно высказываниями Президента РФ В.В. Путина о необходимости повышения эффективности управленческой деятельности и персональной ответственности за допущенные в ходе несения службы погрешности и упущения².

Область уголовно-правового реагирования на преступления, положительная и с ошибками, весьма широка и разнообразна по содержанию и составу общественно опасных поступков и их авторов, с одной стороны, а равно процедур и

¹ Речь идет о памятниках отечественного права, которые будут упомянуты далее, где в той или иной степени находили отражение предписания о правилах реагирования на ошибки.

² Послание Президента Федеральному Собранию 14 декабря 2021 года // Официальный сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru/transcripts/messages14122021 (дата обращения: 03.11.2023).

участников последующих юридических разбирательств – с другой. Отсюда можно и нужно предположить огромный спектр взаимосвязанных вопросов, образующих учение об ошибках в уголовном праве, что обусловило выбор темы исследования.

Так сложилось и практикуется на протяжении столетий, что в уголовно-правовой науке акцентированным образом изучаются заблуждения лишь субъекта посягательств (понятие, виды и последствия его ошибок для его же ответственности). Однако, все чаще и очевиднее для профессионалов отрасли и граждан субъектами совершения ошибок представляются правоприменитель и потерпевший. Ненадлежащая деятельность первого создает повышенную опасность как для общества в целом, так и для личности, в частности. Вместе с тем должное внимание подобным заблуждениям и определению их роли и значения в доктрине не уделялось, что формирует некий дисбаланс в рамках исследовательского поля в части создания всестороннего уголовно-правового учения об ошибках.

Степень изученности темы исследования. Осуществленный специализированный анализ показал, что многие великие философы прошлого обращали самое серьезное внимание на проблему ошибок и заблуждений «авторов» социально-значимых деяний. Среди них в первую очередь следует упомянуть Аристотеля, П. Абеляра, Р. Декарта, Дж. Локка, Дж. Милля и др. В англосаксонской уголовно-правовой доктрине значимые исследования по анализируемой проблеме представлены трудами М. Бадара, Б. Грейса, Д. Гусака, К. Кенни, Д. Нтанда Нсерекко, М. Оливера, Р. Перкинса, и др. Среди наиболее ярких представителей романо-германской системы права, затрагивающих проблему уголовно-правовых ошибок, необходимо отметить Л. Бахмайера, Т. Вайгенда, У. Вебера, А. Ди Амато, Н. Долапчечфа, К. Каршаи, Э. Кирша, К. Роксина.

Сложно переоценить вклад отечественной доктрины в формирование учения об уголовно-правовых ошибках. В разное время предлагались дефиниции, классификации, правила квалификации и другие положения, так или иначе затрагивающие эту проблему. Особое внимание привлекают научные труды признанных авторитетов отраслевой доктрины: В.К. Андрианова, А.И. Бойко, Л.С. Белогриц-Котляревского, В.Н. Боркова, Б.С. Волкова, И.З. Геллера, Ф.Г. Гиляева, Ю.В. Голика, П.С. Дагеля, Г.А. Есакова, П.С. Заботина, И.Я. Кливера, В.Ф. Кириченко, А.Ф. Кистяковского, В.В. Колосовского, А.Ф. Кони, В.П. Коняхина, В.Н. Кудрявцева, К.Р. Мурсалимова, А.В. Наумова, М.Л. Прохоровой, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, В.В. Русских, В.М. Сырых, Н.С. Таганцева, Б.С. Утевского, В.А. Якушина, П.С. Яни и других ученых.

По различным аспектам доктринального изучения уголовно-правовых ошибок защищены диссертационные работы З.Г. Алиева, Т.И. Безруковой, Ю.Е. Духовника, А.А. Кочеткова, А.Ю. Прохорова, Л.Э. Спиридоновой, М.Б. Фаткуллиной.

Цель диссертационного исследования заключается в формировании системного знания об ошибочном поведении субъектов уголовно-правовой сферы и его влиянии на вопросы реализации уголовной ответственности, а также в разработке теоретической основы для устранения соответствующих пробелов в уголовном законе в интересах дифференцированного реагирования на преступность и ее предупреждение.

Достижение указанной цели предполагает последовательное решение следующих *задач*:

1. Осуществить критический обзор зарубежных и отечественных философских, теологических, общеправовых и сугубо отраслевых взглядов на феномен «ошибка» для совершенствования уголовно-правового понимания таковой и ее последствий.

2. Изучить существующие доктринальные и законодательные положения об ошибках в уголовно-правовой сфере, свойственных англосаксонской и романо-германской правовым системам.

3. Выработать оптимальные представления об ошибках различных субъектов (правоприменитель, преступник, потерпевший) в уголовном праве.

4. Обосновать подходы к понятию, классификации и установлению юридических последствий провоприменительных ошибок в сфере уголовного права.

5. Разработать предложения по регламентации ответственности работников правоохранительных органов и суда за допущенные ими правоприменительные ошибки и определению порядка компенсаций жертвам таковых.

6. Внести рекомендации по минимизации количества и последствий ошибок в сфере применения уголовного права.

7. Разработать авторские дефиниции юридической и фактической ошибки преступника, а также предложить соответствующие коррективы в уголовный закон, связанные с регламентацией в нем положений, касающихся субъективной ошибки.

8. Выявить природу ошибочного поведения потерпевших и определить направления его влияния на ответственность лиц, совершивших преступление в отношении таких жертв.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с совершением ошибочных и вследствие этого социально вредных действий правоприменителей, лиц, совершивших общественно опасные деяния, и потерпевших, порождающим потребность в соответствующей уголовно-правовой реакции.

Предметом исследования выступают положения отечественного уголовного права, уголовного законодательства ряда стран романо-германской и англосаксонской правовых семей, касающиеся ошибок, профильные доктринальные разработки, соответствующая отечественная и зарубежная судебная практика.

Методологическая основа диссертационного исследования. Мировоззренческой и гносеологической основой диссертации, как это и принято в гуманитарных науках, послужил универсальный диалектический метод познания. Общенаучные анализ и синтез использовались в каждой главе диссертации. Исторический метод применялся для исследования категорий «заблуждение» и «ошибка», а компаративистский – для детального изучения трактовок уголовно-правовых ошибок в англосаксонской и романо-германской правовых системах, последующем их сравнении с отечественными юридическими подходами. Для оценки качества деятельности правоприменителей и последующих обжалований их решений использовался статистический метод. Кроме того, был задей-

ствован метод социологического опроса правоприменителей – следователей и судей – по различным аспектам проводимого исследования.

Нормативная основа диссертационного исследования представлена Конституцией Российской Федерации, Уголовным кодексом Российской Федерации, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, профильным законодательством стран, считающихся классическими представителями англосаксонской (Австралии, Великобритании, Зимбабве, Республики Ботсвана, США) и континентальной (Австрии, Болгарии, Венгрии, Испании, Италии, Республики Армения, Республики Беларусь, Франции, ФРГ) правовых систем, памятниками отечественного уголовного права.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых (в том числе свыше 30 источников на иностранном языке, изученные в оригинале), как указанных при описании степени разработанности темы диссертации, так и ряда иных, занимающихся изучением поднятых в диссертации и ряда смежных с ними проблем.

Эмпирическую базу диссертации составляют постановления Конституционного Суда РФ, определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, 205 приговоров судов общей юрисдикции различных субъектов РФ за период с 2010 по 2023 гг., статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, зарубежная судебная практика, материалы Научно-консультативного совета прокуратуры Ростовской области за 2018–2022 гг., а также обобщенные результаты проведенного в процессе исследования анкетирования 89 следователей и 34 судей по тем или иным аспектам изучаемой темы.

Научная новизна работы предопределена тем, что диссертация представляет собой исследование, где в дополнение и в единстве с рассмотрением ошибок преступника, что давно стало классикой для отраслевой доктрины, изучаются погрешности правоприменителя и потерпевшего в уголовном праве. Это позволило реализовать комплексный подход к проблеме уголовно-правовых ошибок. В работе уточнено традиционное понимание категории «ошибка» посредством обращения к философскому знанию. Кроме того, предложено понятие «цена ошибки» и разработан механизм ее определения, в том числе технология компенсации вреда жертвам соответствующего заблуждения.

В отличие от посвященных уголовно-правовым ошибкам научных работ предшественников, предпочитающих опираться на воззрения исключительно континентальной правовой доктрины, в диссертации осуществлен детальный анализ подходов к изучаемой проблеме в рамках англосаксонской правовой системы и рассмотрены несколько прецедентов, имеющих отношение к уголовно-правовым ошибкам.

Особое внимание в работе отдано анализу ошибок в сфере применения уголовного права, в том числе их детерминантам. В диссертации разработана классификация правоприменительных уголовно-правовых ошибок (исходя из основных направлений реализации уголовно-правовой политики), а также предложен механизм их минимизации в деятельности соответствующих субъектов.

Помимо этого, впервые в доктрине предлагается использование термина «*ошибка потерпевшего*» в сфере уголовного права, поскольку его нера-

зумное поведение во многом основывается на ошибочных представлениях и существенным образом сказывается на этиологии преступления, что в определенных ситуациях должно учитываться при привлечении к ответственности причинителя вреда.

Научная новизна и состоятельность диссертационной работы находит отражение в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. В соответствии с философскими представлениями термин «ошибка» коррелирует с категориями «заблуждение» и «истина» таким образом, что категория «заблуждение» выступает более широким понятием, в рамках которого «ошибка» являет собой конечный результат заблуждения. Ошибку и заблуждение нельзя представлять только в отрицательном свете, так как на определенном этапе эволюции то или иное знание может трактоваться как истинное.

2. Анализ моделей реагирования на юридические и фактические ошибки в рамках англосаксонской и романо-германской правовых систем позволяет отдать предпочтение более полновесному «континентальному» подходу, в рамках которого принято учитывать как фактические, так и юридические ошибки, но при явном превалировании тенденции к нормативному закреплению положений, регламентирующих ответственность лиц, действия которых основаны на заблуждении в фактических обстоятельствах совершенного деяния.

3. *Правоприменительная ошибка в уголовном праве* – это получающий отражение в соответствующем правоприменительном акте отрицательный результат профессиональной деятельности должностного лица специализированного юридического органа, являющийся следствием ненамеренного заблуждения либо несоблюдения соответствующих правил при толковании закона или оценке фактических обстоятельств дела, выражающийся в конечном счете в неправильном применении уголовного закона.

Исходя из основных направлений (средств) реализации уголовно-правовой политики, правоприменительные ошибки можно классифицировать на:

- а) правоприменительные ошибки в квалификации деяний;
- б) правоприменительные ошибки в сфере судебной (практической) пенализации преступлений;
- в) правоприменительные ошибки при реализации законодательно осуществленной дифференциации уголовной ответственности.

4. Неточности правоприменителя в квалификации, назначении наказания и в освобождении от уголовной ответственности/наказания нужно именовать *ошибками* и ставить их в вину соответствующим должностным лицам, а неточности при установлении вида и размера наказания – *погрешностями*, извинительные варианты которых не должны влечь за собой негативных правовых последствий для субъектов, применяющих право.

5. Предлагается следующая пилотная формула расчета компенсаций жертвам правоприменительных ошибок, адаптированная к случаям необоснованного осуждения виновных к лишению свободы: $D = N * k * Y * S - Z$, где:

D – сумма денежной компенсации, которая полагается лицу в связи с незаконным осуждением;

N – количество месяцев, проведенных в местах лишения свободы;

k – коэффициент приобретенного заболевания;
Y – условия содержания осужденного;
S – среднемесячная заработная плата рабочему или служащему в субъектах Федерации в соответствующей отрасли;
Z – заработная плата незаконно осужденного лица в местах лишения свободы.

6. В целях формирования субинститута субъективной ошибки (в рамках института вины) видится целесообразным включение нормы о фактической ошибке в гл. 5 УК РФ «Вина». Это может быть *статья 28¹ «Ошибка в фактических обстоятельствах деяния»* в разработанной автором редакции.

Институт юридической ошибки также нуждается в правовой регламентации и отражении в отечественном уголовном законе. В развитие данного вывода обоснована допустимость предоставления права ссылаться на незнание закона лицам, обладающими особыми психическими и социальными свойствами (например, иностранный гражданин, в государстве которого совершенное деяние не является уголовно-наказуемым; лицо, совершившее преступление, обнаруживающее отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством). В то же время сделан вывод о необходимости признания осознания противоправности частью вины и критерием ошибки только *специальных субъектов*, так как рядовой обыватель не может охватить всего объема уголовно-правовых предписаний. Видится разумным очертить очевидный круг общественных отношений и преступных посягательств, которые должны быть известны субъекту. Рекомендовано законодателю гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния» дополнить *статьей 42¹ «Юридическая ошибка»*, редакция которой предложена в диссертации.

7. В социальном смысле ошибочное поведение потерпевшего выражается в отступлении от действующих в любом обществе в тот или иной период времени общегражданских правил благоразумия и предусмотрительности, что противоречит законодательным расчетам и способно дезориентировать посягателя. Под *ошибкой потерпевшего* следует понимать результат его заблуждения относительно потенциальной угрозы его жизни, здоровью, чести и достоинству либо имуществу, основанного на невнимательном и (или) небрежном отношении к самому себе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми.

8. Ошибочная деятельность потерпевшего слабо проработана в доктрине уголовного права, однако такого рода заблуждения представляют угрозу не только для него самого, но и оказывает влияние на поведение преступника. В связи с этим предлагается дополнить ст. 60 УК РФ частью 4 с положением о том, что «при назначении наказания необходимо учитывать ошибочное поведение потерпевшего, которому преступлением причинен вред». Рекомендуются законодателю придать ошибке потерпевшего статус обстоятельства, смягчающего наказание виновного, дополнив ч. 1 ст. 61 УК РФ пунктом «л»: «л) невнимательное и (или) небрежное отношение потерпевшего к самому себе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми».

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования обуславливается, во-первых, тем, что результатом проведенных

научных изысканий явилось приращение научных знаний, касающихся феномена ошибки в уголовном праве, и восполнение пробелов соответствующего учения. Во-вторых, перспективами использования его основных положений и полученного нового знания для развития отечественной уголовно-правовой доктрины и практики в следующих направлениях:

– в науке при дальнейшей разработке проблем учения об ошибках в уголовном праве;

– в законодательстве и практике для совершенствования соответствующих нормативных положений и правоприменительных процедур реагирования на ошибки и их предупреждения;

– в учебном процессе при преподавании уголовно-правовых дисциплин в высших учебных заведениях страны.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования. Диссертационная работа подготовлена на кафедре уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, где неоднократно обсуждался ход ее выполнения и вносились предложения по совершенствованию итогового научного труда. Достоверность результатов исследования обеспечена, *во-первых*, применением совокупности различных методов научного познания, *во-вторых*, анализом профильной нормативной базы РФ и многих стран различных правовых систем, *в-третьих*, изучением широкого круга работ по теории уголовного права, а также привлечением (базового) философского знания об истине, заблуждениях и ошибках, *в-четвертых*, использованием описанной ранее обширной эмпирической базой диссертации.

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты исследования нашли свое отражение в 10 опубликованных научных статьях, 6 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, 1 – в журнале, входящем в базу международного индекса цитирования SCOPUS. Они докладывались на всероссийских научно-практических конференциях «Наука и современность» (Политехнический институт (филиал) Донского государственного технического университета, г. Таганрог, 11 ноября 2022 г.), «Актуальные проблемы юридической науки» (Политехнический институт (филиал) Донского государственного технического университета, г. Таганрог, 10 октября 2023 г.), международной научно-практической конференции «Институциональные основы уголовного права РФ (к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина)» (г. Краснодар, 1 февраля 2024 г.).

Результаты проведенного исследования используются в учебном процессе и правоприменительной деятельности, что находит подтверждение в актах внедрения.

Структура и объем диссертации определены целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, 3 глав, объединяющих 7 параграфов, заключения, списка использованных источников и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, раскрывается степень научной разработанности проблемы, указываются цель и задачи исследования, определяются его объект, предмет, методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, содержится информация о степени достоверности и апробации результатов осуществленных изысканий, описывается структура работы.

Первая глава диссертации *«Феномен ошибки в философии и праве»* состоит из 2 параграфов.

Первый параграф «Подходы к определению ошибки в философии и правовой науке» посвящен рассмотрению философско-правовых воззрений, сформированных применительно к данному явлению, а также его корреляции с такими смежными феноменами, как истина и ошибочное представление. Проблема несоответствия субъективных воззрений в сознании человека объективным реалиям издавна была объектом изучения и исследования представителями науки. Автором изучается генезис категории ошибки от сугубо философских воззрений до становления правового института. Проблема ошибок в научной мысли имеет глубокие исторические корни, так как она неразрывно связана с существованием человека. Назвать точную дату, когда в научном лексиконе появился термин «ошибка», не представляется возможным. При этом многие ученые умы пришли к единому мнению, что осмысление этой проблемы шло одновременно с развитием научных взглядов об истине, но так и не увенчалось четким логическим ее разрешением и разграничением данных феноменов.

Попытку формирования целостной концепции феномена ошибок предпринимали греческие и римские философы, представлявшие их в качестве элементов суждений, доказательств и умозаключений. Революционный шаг в рассмотрении феномена ошибки как правовой категории впервые совершила древнеримская философия. Именно в ее рамках ошибки стали рассматриваться в правовом аспекте. Под таковыми подразумевалось расхождение между волей и ее выражением, причиной которого является незнание субъектом обстоятельств дела. Как указано ранее, единого решения проблемы ошибок предложено не было, но именно римская философская школа, рассматривая данную проблему без создания концептуальной модели феномена ошибки, задалась вопросом ответственности лица, в действиях которого усматривается ошибка. Вопреки принципу «*ignorantia juris nocet*»¹ не подлежали наказанию лица, в чьих деяниях присутствовала ошибка. Необходимо отметить, что в последующий период развития римского права стали разграничиваться ошибки и заблуждения, которые, по мнению философов, являлись первопричиной первых. Правовая культура Древнего Рима рассматривала проблему ошибок исключительно в ракурсе конкретных случаев.

¹ В переводе с лат. «Незнание закона не является оправданием».

В эпоху XIX в. и Новейшего времени учение об ошибках приобрело еще большую правовую направленность и получило дальнейшую концептуальную разработку. Многими авторами отмечается, что интерес к проблеме ошибок в общем и к уголовно-правовым ошибкам, в частности, возник к 40-м гг. XIX столетия. Это было обусловлено тем, что на практике лица, совершая противоправные действия, стали все чаще заблуждаться относительно того или иного признака деяния либо преступления. Здесь особенно важно то, что положения об ошибках нашли отражение во многих законодательствах зарубежных стран вне зависимости от принадлежности к той или иной правовой системе. Именно в эту историческую эпоху возродился интерес ученых-юристов к проблеме ошибок в уголовно-правовом аспекте и их влиянию на пределы уголовной ответственности лица.

Проанализировав философские трактаты, автор пришел к выводу, что категории «заблуждение» и «ошибка» нередко отождествлялись, однако при этом существовали и другие концепции, в рамках которых ошибки и заблуждения рассматривались как самостоятельные феномены, способные существовать друг без друга. Современная научная мысль придерживается концепции, согласно которой категория «заблуждение» является более широким понятием, включающим в себя ошибку, выступающую в качестве конечного результата заблуждения. Иными словами, заблуждение есть первичный элемент, не соответствующий истинному знанию, впоследствии трансформирующийся в ошибку.

Во втором параграфе «Становление и развитие учения об ошибке в российском уголовном праве» осуществлено изучение соответствующих положений российской уголовно-правовой доктрины, показавшее, что единого мнения относительно понятия уголовно-правовой ошибки в ней не сложилось. Однако большинство ученых-юристов раскрывают понятие ошибки через заблуждение. И в этом есть определенный смысл, так как категория ошибок не ограничивается рамками уголовного права, а рассматривается в различных психологических и философских аспектах, в частности, учениями об истине и заблуждении.

Применительно к России стоит отметить, что вопрос, касающийся ошибки в уголовном праве, не поднимался долгое время как на доктринальном, так и на практическом – нормотворческом и правоприменительном – уровнях. Однако положения, касающиеся неведения закона, существовали еще в период правления Петра I. Так, в соответствии со ст. 60 Артикула Воинского 1715 г. ссылаться на неведение закона считалось допустимым лишь в случае, если закон не был обнародован должным образом. Одной из предпосылок появления такой нормы являлся тот факт, что в соответствующий период предпринимались попытки рецепции положений немецкого права средневековой эпохи.

Источником, непосредственно закрепившим положения, касающиеся ошибки, стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение). Они нашли отражение в ст. 99, в соответствии с которой лицу, совершившему незаконное и противоправное деяние единственно по совершенному от случайной ошибки или вследствие обмана происшедшему неве-

дению тех обстоятельств, от коих именно деяние его обратилось в противозаконное, содеянное им не вменяется в вину. В дальнейшем положения об ошибке получили развитие в редакции названного Уложения 1866 г., закрепившей ст. 115, согласно которой покушение считалось оконченным даже тогда, когда опасные последствия не наступили в связи с безвредностью используемых средств. Не наказывались лишь те покушения, при осуществлении которых негодные средства были выбраны виновным лицом по причине его крайнего невежества. В такой ситуации лицо, совершившее деяние, подвергалось наказанию за преступный умысел в соответствии со ст. 111 Уложения.

В Уложении ред. 1885 г. в ст. 1456 гл. «О смертоубийстве» содержалось положение относительно *ошибки в личности*. В соответствии с ней если лицо при совершении преступного деяния, направленного на лишение жизни одного лица, ошибаясь, лишало жизни другое лицо, оно подвергалось такому же наказанию, как если бы умертвило того, на жизнь которого был направлен его преступный умысел. Стоит заметить, что в Уложении названной редакции данный вид ошибки рассматривался как ошибка в объекте, а не как ошибка в личности. Несколько позднее в качестве самостоятельного вида ошибки стало выделяться «негодное покушение», которое впервые появилось в принятом в 1903 г. Уголовном Уложении. В соответствии с его ст. 47 в случаях, когда деяние, носящее преступный характер, было направлено на несуществующий или негодный предмет, на который соответственно был направлен умысел, оно не могло считаться преступным.

В российской уголовно-правовой науке изучение названного правового феномена, как и в большинстве европейских стран, началось именно в XIX в. Характерной чертой правовой мысли того периода являлось то, что представители научной элиты выступали не только за теоретическую разработку данного вопроса, но и за последующее законодательное закрепление положений, касающихся уголовно-правовых ошибок. Изучением указанного правового феномена занимались такие ученые, как Л.С. Белогриц-Котляревский, И.З. Геллер, М.М. Карповский, А.Ф. Кистяковский, А.Ф. Кони, Н.С. Таганцев, Б.Д. Фридман и др.

Ученые советского периода расширили предшествующие представления об уголовно-правовых ошибках. Особого внимания заслуживают труды Ф.Г. Гилязева, П.С. Дагеля, В.Ф. Кириченко, Т.В. Кондрашовой, Л.И. Коптяковой, А.В. Наумова, Б.С. Утевского, В.А. Якушина. Именно в этот период появились уже ставшие классическими для отраслевой уголовно-правовой доктрины классификации юридических (ошибка в запрете, «мнимое» преступление) и фактических (ошибки в объекте, ошибки в предмете, ошибки в причинной связи и т.д.) ошибок.

В XXI в. научный интерес к проблеме ошибок не угас, что подтверждается обилием научных работ в этой области, среди которых можно выделить, в частности, труды З.Г. Алиева, А.Ю. Прохорова, М.Б. Фаткуллиной. Помимо разработок новых подходов к пониманию ошибок и их классификации, авторы постепенно начинают отходить от традиционных «заблуждений» преступника в сторону ошибочной деятельности и других субъектов уголовно-правовой сферы.

Несмотря на достаточно обширную доктринальную базу в исследуемой области (с более чем 150-летней историей), законодатель не предусмотрел специальных норм в отечественном уголовном законе, что, бесспорно, является явным упущением, необоснованным отказом от следования исторической традиции. Анализ учений об ошибках показал, что стоит прислушаться к ученым-юристам, предлагающим включить в УК РФ соответствующие положения, определяющие признаки фактической и юридической ошибки, а также правила квалификации содеянного при их наличии.

На основе изучения позиций, представленных в доктрине, предложено авторское определение субъективной ошибки. *Ошибка в уголовном праве* – это добросовестное заблуждение причинителя вреда в понимании общественной опасности, юридической значимости и последствий его преступного поведения.

Исследование показало, что ошибка – это неумышленное и добросовестное заблуждение, в связи с чем оно не может характеризоваться преднамеренностью. Но, разумеется, такая оценка распространяется только на факты, неверно оцениваемые лицом, совершающим общественно опасное деяние (если речь не идет о «мнимом» преступлении), но не на его противоправное поведение в целом.

Вторая глава диссертации «**Отражение феномена ошибки в уголовном праве зарубежных стран**» состоит из 2 параграфов.

В первом параграфе «**Теоретические основы и законодательное отражение учения об ошибке в уголовном праве стран англосаксонской правовой системы**» изучаются доктринальные и законодательные положения об уголовно-правовых ошибках в странах общего права. При этом стоит отметить, что работы предшествовавших авторов, посвященные исследуемой проблеме, концентрировались исключительно на системе континентального права. В качестве представителей англосаксонской системы были рассмотрены такие государства, как США, Великобритания, Республика Ботсвана, Австралия.

Проведенный анализ показал, что ошибка лица при совершении им преступного посягательства оказывает влияние на форму вины, ее содержание и объем. Ошибка в праве (законе), по общему правилу, не исключает уголовную ответственность лица, однако если его заблуждение относительно противоправности совершенных действий при наличии определенных обстоятельств было извинительным, наличие таковых допускает возможность избежать уголовное преследование.

Английское уголовное законодательство признает принцип «незнание закона не является оправданием» еще более строго, чем американский уголовный закон. Предположение, что каждый знает закон, является непоколебимым постулатом английской юриспруденции. Такой подход законодателя обусловлен в первую очередь политическими причинами и целями поддержания общественной морали и нравственности. Однако имели место случаи, когда английские суды посчитали, что ошибка в законе может выступать в качестве защиты субъекта преступного деяния. Такой пример можно усмотреть в Законе о воровстве 1968 г. и в Законе о злонамеренном причинении

ущерба 1971 г. В соответствии с первым лицо является виновным в шантаже, если оно с целью получить выгоду для себя или другого лица, либо с намерением причинить ущерб лицу выдвигает необоснованные требования, сопряженные с угрозами. При этом такие требования могут носить оправдательный характер, если человек верит в следующее: 1) у него есть все разумные основания для таких требований; 2) использование подобного рода угроз является надлежащим средством укрепления этих требований.

В соответствии со вторым лицом, обвиняемое в совершении преступлений, предусмотренных разделом 5 этого закона, может быть оправдано в случаях, когда оно верило в то, что: 1) имущество или право на это имущество, либо законный интерес нуждались в непосредственной защите; 2) те средства защиты собственности, которые избрало лицо, являлись на тот момент самыми разумными, принимая во внимание все обстоятельства.

Нельзя не отметить и исключение из названного принципа, существующее не только в английском, но и во многих законодательствах иных зарубежных стран. По общему правилу отговариваться незнанием или неведением закона допустимо в том случае, если он не был опубликован надлежащим образом. Данный вид своеобразной реабилитации виновного основан на принципе законности, означающем верховенство, обязательность и соблюдение исполнения закона. Подход английского законодателя основывается на том, что ошибка должна включать в себя *разумные основания* (это основания, которые в идентичных обстоятельствах может признать таковыми и другой разумный субъект).

Похожей позиции придерживается и американский законодатель. Примерный уголовный кодекс США 1962 г. (МРС¹) сыграл важную роль в стандартизации кодифицированного уголовного законодательства США и в § 2.04 установил, что поведение с юридической точки зрения не составляет преступного посягательства, а служит основанием для защиты от уголовного преследования за это преступление, если оно выражалось в упомянутом поведении следующим образом: 1) правовой акт или статут не был надлежащим образом опубликован или неизвестен; 2) лицо действует «разумно», полагаясь на официальную формулировку правового акта, впоследствии признанную ошибочной либо недействительной, содержащуюся в судебном решении или приговоре суда; административном приказе; правовом акте или в статуте; аутентическом толковании должностным лицом или иным уполномоченным органом власти, на которые в соответствии с законодательством США возложена обязанность в разъяснении, применении закона, определяющего данное деяние как преступное.

Здесь можно усмотреть отличие от английского законодательства, где ошибка в праве не может служить средством защиты от уголовного преследования даже в случаях, когда субъект преступления сумеет доказать, что его действия осуществлялись по рекомендации уполномоченного органа или юриста.

¹ Аббревиатура МРС расшифровывается как «The Model Penal Code», что в переводе с англ. «Модель уголовного кодекса».

Нельзя не отметить тот факт, что в Америке не все штаты придерживаются единой позиции относительно уголовно-правовых ошибок, что подтверждается отсутствием в нормативных документах этих субъектов положений, касающихся как ошибок в праве, так и ошибок в факте.

Отличительной особенностью англосаксонской системы права является то, что для возможности выбора такого способа защиты, как ссылка на незнание (запрета, либо какого-либо факта), допустима только при наличии существенных доказательств. Иными словами, можно усмотреть редкий случай, когда закон перекладывает бремя доказывания на причинителя вреда.

Второй параграф «Теоретические основы и законодательное отражение учения об ошибке в уголовном праве стран романо-германской правовой системы» посвящен изучению подходов к уголовно-правовым ошибкам в рамках континентальной системы права. Соответствующие вопросы законодатели этих государств решают по-разному. В некоторых странах положения об ошибках закреплены в разделах уголовных кодексов, посвященных виновности субъекта преступного деяния, другие включают их в разделы законов, предусматривающие обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Существенный вклад в изучение уголовно-правовой ошибки как категории внесли немецкие и французские правоведы. В результате анализа можно обнаружить, что учению об ошибках большее внимание уделяет немецкая доктрина. Подтверждением может выступить решение Верховного Суда ФРГ от 18 марта 1952 г., который признал ошибку в праве в качестве оправдания преступных действий, в то время как во Франции нормативное закрепление ошибка в качестве оправдания получила только с принятием Уголовного кодекса 1992 г. До этого времени французское законодательство придерживалось принципа «никто не может ссылаться на незнание закона».

В немецкой уголовно-правовой доктрине *ошибку в запрете*, предусмотренную § 17 УК ФРГ, принято дифференцировать на два типа – прямую и косвенную. *Первая* возникает в ситуации, когда лицо, совершающее преступное деяние, не знает уголовный закон либо же из-за неверного толкования полагает, что в его действиях отсутствует элемент противоправности. *Вторая* имеет место, когда преступник ошибочно считает, что его поведенческий акт оправдан в соответствии с определенными правовыми условиями (здесь идет речь о самозащите). Подобный подход в дальнейшем был заимствован рядом стран, в числе которых, в частности, Испания, Норвегия, Дания.

Действующий УК Франции закрепил сразу несколько новелл относительно основных принципов, определяющих регламентацию ответственности лица. Одной из них стало закрепление в ст. 122–3 закона положения относительно *ошибки в праве* (законе). Ее анализ показывает, что она не содержит разъяснений, касающихся «непреодолимости ошибки». Это видится существенным недочетом закона, поскольку неизбежность характера ошибки должна означать, что лицо, совершившее преступное деяние, было уверено в правомерности своего поведения в связи с получением толкования уполномоченным органом либо в случае отсутствия официальной публикации правового акта.

Применительно к ошибке в факте стоит отметить, что во Франции она является средством защиты и может исключить вину за совершение умышленного преступления. Так, если А. закроет помещение, в котором находился Б., то он не будет подлежать уголовной ответственности за незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением, если будет установлен факт незнания субъектом А., что в помещении находился Б. Тем не менее, бывают случаи, когда ошибка в факте выступает в качестве признака небрежности. Примером может служить ситуация, когда субъект А. выстрелит в отдаленного субъекта Б., полагая, что стреляет в дерево, но при этом попадает в Б. Во Франции за такого рода деяние лицо будет подлежать уголовной ответственности.

Законодатели стран, принадлежащих к романо-германской правовой системе, стараются закрепить в национальных уголовных кодексах нормы, касающиеся как ошибки в праве, так и ошибки в факте. Тем не менее, предпочтение при этом отдают *фактической ошибке*, а при создании норм об *ошибке в праве* для многих государств остается неизменным положение о том, что незнание закона не освобождает от ответственности.

Третья глава диссертационного исследования «**Феномен ошибки в современном отечественном уголовном праве и перспективы его законодательного отражения**» состоит из 3 параграфов.

Первый параграф «Ошибки правоприменителя при реализации уголовно-правовой политики» посвящен рассмотрению ошибок, субъектами совершения которых выступают должностные лица специализированных юридических учреждений. Правоприменительные ошибки в уголовном праве возникают главным образом в процессе квалификации того или иного деяния, а также при назначении вида и размера наказания. Ошибочная квалификация влечет за собой неверный выбор уголовно-правовой нормы, тем самым оказывая негативное влияние как на правотворческий процесс, так и на существующие общественные отношения.

Правоприменительная ошибка в уголовном праве – это получающий отражение в соответствующем правоприменительном акте отрицательный результат профессиональной деятельности должностного лица специализированного юридического органа, являющийся следствием ненамеренного заблуждения либо несоблюдения соответствующих правил при толковании закона или оценке фактических обстоятельств дела, выражающийся в конечном счете в неправильном применении уголовного закона.

Исходя из основных направлений (средств) реализации уголовно-правовой политики, предлагается следующая классификация правоприменительных ошибок: 1) правоприменительные ошибки в квалификации деяний; 2) правоприменительные ошибки в сфере судебной пенализации преступлений; 3) правоприменительные ошибки при реализации законодательно осуществленной дифференциации уголовной ответственности.

Детальный анализ работ отечественных авторов и собственные рассуждения соискателя позволили заключить, что *правоприменительные ошибки* исключают признак заведомости исполнителя. Если последний заведомо

для себя неверным образом квалифицирует совершенное общественно опасное деяние либо выбирает вид и размер наказания, заведомо не отвечающий требованиям закона и принципу справедливости, содеянное им не может считаться ошибкой в связи с умышленным характером такового и подлежит оценке как преступление, направленное против государственной власти и установленный законом порядок деятельности суда по осуществлению правосудия и органов, ее обеспечивающих.

Ошибки, которые правоприменитель допускает при назначении наказания, следует именовать *погрешностями*, что обусловлено объективными трудностями при подборе оптимального вида и размера наказания.

Диссертант полагает, что *неточности* правоприменителя в *квалификации, назначении наказания и при освобождении от уголовной ответственности/наказания* нужно именовать **ошибками** и ставить их в вину соответствующим должностным лицам, а *неточности при установлении вида и размера наказания* – *погрешностями*, извинительные варианты которых не должны влечь за собой негативных правовых последствий для субъектов, применяющих право.

Правоприменительные ошибки, оказывая отрицательное воздействие на общественные отношения, содержат в себе и риск серьезного финансового ущерба. Жертвы правоприменительных ошибок могут рассчитывать на компенсацию лишь при обращении в суд, при этом сделать это может только реабилитированное лицо. Однако, если материальный ущерб можно высчитать на основании адвокатского ордера либо справок о невыплате части заработной платы, то компенсация морального вреда осуществляется исключительно на основании внутреннего убеждения судей, поэтому может существенно варьироваться.

Автором предлагается пилотная формула расчета компенсаций жертвам правоприменительных ошибок, адаптированная к случаям необоснованного осуждения виновных к лишению свободы, представленная в положении 5, выносимом на защиту¹.

Отсутствие ответственности правоприменителя, совершившего ошибку, может сформировать у него чувство безнаказанности, что в дальнейшем послужит причиной для ее повторения. В целях стимулирования надлежащей деятельности правоприменителя видится необходимым установление ответственности не только для субъекта, применяющего право, но и для всего ведомства, к которому он «принадлежит».

Руководитель соответствующего подразделения обязан осуществлять мониторинг за деятельностью подконтрольных ему субъектов и способствовать качественному процессу правоприменения. В случаях если надлежащий мониторинг не осуществлялся и субъектами правоприменения были допущены ошибки, повлекшие за собой нарушение прав и законных интересов граждан, расходы на праввосстановительные мероприятия должны возла-

¹ Предложенная модель расчета поддержана 86% респондентов, опрошенных соискателем в процессе исследования.

гаться на соответствующую государственную структуру. В свою очередь установленный судом имущественный ущерб должен взыскиваться из средств на развитие ведомства, сотрудником которого является соответствующее должностное лицо.

Учитывая всю сложность правоприменительного процесса, вызванную в том числе «пороками» законотворчества, и исходя из действующих правовых реалий, предложена следующая методика: *впервые совершенные* субъектом правоприменения ошибки извинительного типа не могут влечь за собой мер санкционного характера; *вторичные* заслуживают реакции в виде дисциплинарной ответственности; за «*систематические ошибки*» дополнительно должна следовать финансовая ответственность надлежащего ведомства¹.

Данные меры позволят существенным образом улучшить качество правоприменительной деятельности и станут гарантией реализации основополагающих принципов уголовного права.

Второй параграф «Субъективные ошибки» посвящен рассмотрению выделенных в правовой доктрине видов субъективных ошибок. В разделе предложены разработанные автором дефиниции фактической и юридической ошибки, а также рекомендованы правила квалификации содеянного при их наличии.

Для уголовного права значимо исключительно понимание лицом социальной вредности своего поступка, а не знание запрета. Избранный российским законодателем подход не совсем справедлив, поскольку преступник осознает только «половину» совершенного деяния, в то время как ответственность для него наступает в полном объеме.

Если применительно к общеизвестным деликтам (убийство, разбой, кража и т.п.) осознание общественной опасности и осознание уголовной противоправности тесно взаимосвязаны, то ситуация со специальными нормами, закрепленными в УК РФ, понимание существа которых у среднестатистического человека вызывает затруднения, выглядит иначе. Это обусловливается наличием массы уголовно-правовых предписаний, постоянным внесением изменений в уголовный кодекс, многообразием судебной практики, содержащей толкование уголовного закона. В связи с этим большинство граждан попросту не может знать и половины имеющихся законов. Тем не менее, отечественная судебная практика придерживается позиции «незнание закона не является оправданием».

Принцип «*ignorantia legis non excusat*» идет вразрез с избранным отечественным законодателем путем следования принципу субъективного вменения, особенно на фоне отсутствия правовых оснований для использования такого постулата, так как презумпция знания закона ни прямо, ни косвенно не закреплена на нормативном уровне. Безусловно, признание противоположной идеи лишит смысла карательную деятельность государства, так как ни один обвини-

¹ Под финансовой ответственностью стоит понимать материальную и моральную компенсацию пострадавшим лицам, лишение премий для сотрудников данного ведомства, лишение санаторно-курортных путевок и т.д.

тельный приговор не будет вынесен судами. Вместе с тем на современном этапе развития общества отношение к названной аксиоме нуждается в модификации.

Полагаем, что *сознание противоправности* необходимо признавать частью вины и критерием ошибки только для *специальных субъектов*, так как разум рядового обывателя не может охватить всего объема уголовно-правовых предписаний. Идеальным решением было бы очертить очевидный круг общественных отношений, преступность посягательств на которые субъекту должна быть известна (традиционные уголовно-правовые запреты в отношении общеуголовных преступлений, порицание которых на религиозном и нравственном фундаменте насчитывает тысячи лет («не убий», «не укради»), знания о которых формируются у обывателей в процессе получения жизненного опыта, образования и т.д.). Но в исчерпывающем объеме это вряд ли возможно.

Юридическая осведомленность либо некомпетентность причинителя вреда должна являться опровержимой презумпцией, а не аксиомой (как принято считать), но не для *специального субъекта*.

На данном этапе развития уголовного законодательства отказ от устоявшегося на протяжении столетий принципа «незнание закона не извиняет» не представляется возможным. Но очевидно, что институт юридической ошибки нуждается в правовой регламентации и отражении в отечественном уголовном законе. Соискатель считает допустимым предоставить право ссылаться на незнание закона лицам, обладающим особыми психическими и социальными свойствами (например, иностранный гражданин, находящийся на территории РФ, законодательство которой отличается от права страны его проживания (политический режим, религия, обычаи и т.д.); лицо, совершившее преступление, обнаруживающее отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством), и рекомендует законодателю гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния» дополнить ст. 42¹ «Юридическая ошибка» и изложить ее в следующей редакции¹:

«Статья 42¹. Юридическая ошибка

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, которое не могло знать о существовании уголовно-правового запрета в силу обладания особыми психическими и (или) социальными свойствами.

2. Лицо, обладающее специальными знаниями, обязанное в силу осуществляемой им деятельности или занимаемой должности знать и выполнять соответствующие правила, не может ссылаться на незнание уголовно-правового запрета».

В отличие от юридической ошибки, *фактическая ошибка (error facti)* – это не соответствующее действительности представление причинителя вреда о фактических обстоятельствах своего поведения. Она формируется в результате неведения относительно фактического характера и фактического последствия совершенного общественно опасного деяния. Ошибка в факте за-

¹ Данную модель правовой нормы поддержали 74 % опрошенных респондентов, ответив «полностью поддерживаю такую модель».

нимает особое место в механизме уголовно-правового регулирования.

Отсутствие специальных норм, посвященных фактическим ошибкам, довольно часто порождает сложности и противоречивые подходы в правоприменительной практике. Анализ судебных приговоров показывает, что суды нередко выносят диаметрально противоположные решения, казалось бы, в идентичных случаях. Поэтому формирование субинститута фактической ошибки в рамках института вины с последующим его законодательным закреплением видится одной из приоритетных задач. В развитие этого вывода видится целесообразным включение соответствующей нормы (например, ст. 28¹) именно в гл. 5 УК РФ «Вина». В диссертации разработана ее авторская редакция:

«Статья 28¹. Ошибка в фактических обстоятельствах деяния

1. Лицо, совершившее умышленное преступление, заблуждение относительно фактических обстоятельств которого воспрепятствовало доведению преступного намерения до конца, подлежит уголовной ответственности за совершенное преступление со ссылкой на часть третью статьи 30 настоящего Кодекса.

2. Лицо, совершившее умышленное преступление, заблуждение относительно фактических обстоятельств которого не явилось препятствием для доведения преступного намерения до конца, подлежит уголовной ответственности за оконченное преступление.

3. Если умысел лица был направлен на причинение вреда объекту, посягательство на который влечет более строгое наказание, однако в действительности вред причиняется объекту, посягательство на который влечет менее строгое наказание, то деяние квалифицируется в качестве покушения на преступление, охватываемое умыслом виновного. Если вред по ошибке причиняется равноценному объекту, то деяние квалифицируется по фактически наступившим последствиям.

4. Если лицо совершает деяние, опасные последствия которого, охватываемые умыслом виновного, возникают не из его деяния, а по другим причинам, оно подлежит уголовной ответственности за покушение на преступление, охватываемое умыслом.

5. Если лицо, совершающее умышленное преступление, заблуждается относительно наличияотягчающих обстоятельств содеянного, которые в действительности отсутствуют, оно подлежит уголовной ответственности по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление при наличии соответствующего квалифицирующего признака.

6. Если лицо, совершающее умышленное общественно опасное деяние, заблуждается относительно отсутствияотягчающих обстоятельств содеянного, которые в действительности присутствуют, оно подлежит уголовной ответственности по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление безотягчающих обстоятельств»¹.

¹Данную модель правовой нормы поддержали 89% опрошенных респондентов, ответив «полностью поддерживаю такую модель».

В третьем параграфе «Ошибки потерпевшего» исследуются заблуждения жертвы преступления. Роль потерпевшего в этиологии преступлений стала замечаться и обсуждаться совсем недавно (по историческим меркам) и только в русле виктимности, т.е. упречного в смысле развития чужого и направленного против его интересов поведения. Однако проблемы, связанные с ошибочной деятельностью потерпевшего, слабо проработаны отечественными и зарубежными специалистами. При этом ошибки жертвы представляют угрозу не только для него самого, но и оказывают влияние на поведение преступника.

Под *ошибкой потерпевшего* следует понимать результат его заблуждения относительно потенциальной угрозы его жизни, здоровью, чести и достоинству либо имуществу, основанного на невнимательном и (или) небрежном отношении к самому себе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми.

Соискатель считает необходимым при назначении наказания виновному учитывать ошибочное поведение жертвы. В связи с этим предложено дополнить ст. 60 УК РФ частью 4, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 60. Общие начала назначения наказания ...

4. При назначении наказания необходимо учитывать ошибочное поведение потерпевшего, которому преступлением причинен вред»¹.

В диссертации обосновано внесение в ч. 1 ст. 61 УК РФ дополнения, касающегося признания ошибки потерпевшего одним из обстоятельств, смягчающих наказание виновного:

«Статья 61. Обстоятельства, смягчающие наказание

Смягчающими обстоятельствами признаются: ...

л) невнимательное и (или) небрежное отношение потерпевшего к самому себе, возможным событиям с его участием и контактам с людьми»².

В **заключении** работы формулируются основные выводы из осуществленного исследования, наиболее значимые из которых изложены в тексте настоящего автореферата при характеристике соответствующих разделов диссертации.

В **приложении** представлены опросный лист и обобщенные результаты проведенного соискателем анкетирования 123 респондентов – 89 следователей и 34 судей – по исследуемой проблеме.

¹ С таким подходом солидарны 80 % опрошенных респондентов.

² Данное предложение поддержано 88% опрошенных респондентов.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора общим объемом 4,3 п.л (авторский вклад – 3,6 п.л.):

Научные работы, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Онищук, М.М. Ошибка и заблуждение в уголовном праве / М.М. Онищук // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 1. – С. 176–181 (0,4 п.л.).
2. Онищук, М.М. Учение об ошибках в континентальной системе права / А.И. Бойко, М.М. Онищук // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – № 2 (81). – С. 114–116 (0,3/0,2 п.л.).
3. Онищук, М.М. Эволюция представлений о феномене ошибки в философии и праве досоветского периода / М.М. Онищук // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – № 2 (81). – С. 109–113 (0,5 п.л.).
4. Онищук, М.М. Учение об ошибках в английском уголовном праве / М.М. Онищук // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 2 (117). – С. 102–104 (0,3 п.л.).
5. Онищук, М.М. Юридические и фактические ошибки в американском уголовном праве / В.В. Ключков, М.М. Онищук // Право и образование. – 2022. – № 4. – С. 86–93 (0,6/0,4 п.л.).
6. Онищук М.М. Ошибки потерпевшего в сфере уголовного права / М.М. Онищук // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 1. – С. 151–155 (0,6 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

7. Mikhail M. Onishchuk. The Legal Technology Mistake and Mistake in Qualifying: Cause and Effect / Mikhail M. Onishchuk, Elena A. Pashchenko, Irina V. Thibeault // MCSER Publishing, Rome-Italy. – Mediterranean Journal of Social Sciences. SCOPUS. – Vol. 6, No 6, November 2015. – Supplement 3. – Rome, Italy. – 2015 (SCOPUS). P. 290–294 (0,6/0,4 п.л.).
8. Онищук, М.М. Юридические ошибки в уголовном праве: понятие и виды / М.М. Онищук, Н.Н. Козлова // Наука и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – 2022. – № 11. – С. 285–288 (0,3/0,2 п.л.).
9. Онищук, М.М. Превышение пределов необходимой обороны. Мнимая оборона как фактическая ошибка / М.М. Онищук, К.И. Пила // Актуальные проблемы юридической науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – 2023. – № 11. – С. 156–159 (0,2/0,1 п.л.).
10. Онищук, М.М. Уголовно-правовые ошибки в законодательстве стран СНГ / М.М. Онищук // Институциональные основы уголовного права РФ: материалы Международной научно-практической конференции (к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина), г. Краснодар, 01–02 февраля 2024 г. / отв. ред. Коняхин В.П. и Прохорова М.Л. – Краснодар, 2024. – С. 672–677 (0,5 п.л.).

О н и щ у к Михаил Михайлович

**ФЕНОМЕН ОШИБКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Подписано в печать 20.02.2024. Формат 60X84 1/16
Печать цифровая. Объем 1,5 п.л. Тираж 150 экз. Заказ № _____

Тираж отпечатан с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Просвещение-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5